

Кукольник Нестор Васильевич

Романы

Эвелина де Вальероль

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Н56

Н56 **Нестор Васильевич К.**
Романы: Эвелина де Вальероль / Кукольник Нестор Васильевич – М.: Книга по Требованию,
2026. – 861 с.

ISBN 978-5-519-91660-8

ISBN 978-5-519-91660-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2026
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2026

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ФИЛИППЪ ДЕПОРТЪ.

Savoir rire, pleurer et feindre,
Dissimuler et se contraindre, —
C'est le secret d'un esprit-fort;
Car le baron devient comte,
S'il fait jouer à grand effort
Un visage qui se démonte.
MAZARINADES, 1648.

ГЛАВА I.

ФРАНЦУЗЪ.

Un vendeur de fraîche maree
Viendra du côté de Lyon
Présider en cette assemblée.

UN PAMPHLET, 1614.

У стараго Лувра, какъ муравьиный рой ползала толпа работниковъ. Стѣны Новой Галереи лѣниво поднимались. Еще на углахъ дворца торчали высокія башни, еще много во всемъ Луврѣ оставалось феодальнаго, мрачнаго, запутаннаго. Главное зданіе, архитектуры Лекò, и новый павиліонъ, построенный Лемерсіе, странно противорѣчили прочимъ остаткамъ стараго замка. Между-тѣмъ, въ квартирѣ перваго живописца и главнаго началь-

ника всѣхъ зданій при Людовикѣ XIII замѣтно было особенное движеніе. Со двора, со стороны тюльрійскихъ садовъ, безпрестанно прибѣгали на крылечко молодые люди съ бумагами, и возвращались, кто съ довольнымъ видомъ, кто съ досадой. Симонъ Вуэ, неумолимый учитель и первый живописецъ, разрушительнымъ карандашомъ уничтожалъ мечты своихъ учениковъ, продолжая бесѣду съ ординарными королевскими живописцами и почетными гостями.

— Знаете ли, почтенный Каллѣ, мнѣ всегда казалось страннымъ, говорилъ Симонъ Вуэ, что вы, превосходный рѣзецъ, составляющій славу Франціи, посвящаете, не королю, не королеву, а такъ сказать.... ихъ врагу....

— А что? спросилъ Каллѣ насмѣшливо: развѣ опять смѣняютъ кардинала? Вѣрно отшельница Лафайетъ будетъ управлять государствомъ? А можетъ-быть этотъ пажъ, Генрихъ д'Эффѣа, съ золотыми кудрями, что каждый день стрѣляетъ изъ дѣтскихъ пушекъ въ сенъ-жерменскомъ паркѣ? А можетъ-быть нашъ дофинъ дитя? Или этотъ гладкій Италіянецъ аббатъ Мазарини, крестной отецъ дофина?... Пусть и такъ! Но я уважаю кардинала-герцога, и во Франціи никого не нашелъ достойнѣйшаго, кому бы я могъ посвятить мою книгу. Онъ самъ страдалецъ политическихъ интригъ, и народныхъ сплетней. Мой *martyrologium* въ живыхъ картинахъ представляетъ великіе образцы терпѣнія, а оно нужно великому кардиналу....

— А еще болѣе бѣдной Франціи, замѣтилъ Лемерсіе, главный королевскій архитекторъ : впрочемъ, это простительная трусость.

— Конечно, отвѣчалъ Калло, поправляя черную шапочку, покрывавшую лысую голову старика: конечно эти слова не ко мнѣ относятся. Я гравировалъ взятіе Ла-Рошелли съ такимъ же восторгомъ, съ какимъ слушалъ рассказы объ этой дивной осады: но когда королю и кардиналу-герцогу угодно было, тому назадъ лѣтъ семь или восемь, обратить оружіе противъ нашей бѣдной Лотарингіи, лишить удѣла нашего храбраго герцога, когда побѣдители требовали у меня гравюры на взятіе Нанси.... Нѣтъ, сказалъ я обоимъ въ глаза, скорѣе отрѣжу себѣ кисть руки, чѣмъ оскорблю моего несчастнаго государя-герцога непримыслимымъ трудомъ.

— И на васъ не разсердились? спросилъ насмѣшливо Лемерсіе.

— Я сказалъ то что чувствовалъ — въ глаза, но никогда не позволялъ себѣ клеветы въ какомъ-нибудь темномъ и глухомъ подвалѣ, отвѣчалъ Калло, поглядывая на мрачные своды квартиры Вуэ.

— Нѣтъ, Калло, сказалъ Лемерсіе съ чувствомъ: мы не о себѣ хлопочемъ. Мы хотимъ очистить наши художества отъ иностранцевъ, которыми Кончини и Марія Медичи наводнили Францію; которые не перестали пользоваться милостями кардинала.... нашего....

— Не врага ли, мосье Лемерсіе, хотѣли ска-

затъ вы? Не стыдно ли! Кто же строилъ ришлѣвскій дворецъ? Кто строилъ Рюэлль, загородный замокъ кардинала? Кто расписывалъ и украшалъ ихъ картинами? Если бы онъ былъ вашимъ врагомъ, вы бы господа, давно уже путешествовали въ чужихъ краяхъ по-неволѣ, какъ нѣсколько тысячъ дворянъ, неполадившихъ съ такимъ борцомъ....

— У Калло сто отвѣтовъ на одинъ вопросъ, сказалъ Фукиерръ, фламандскій пейзажистъ, одѣтый съ необыкновенною щеголеватостью; на немъ была короткая блѣдно-розовая шелковая мантия, подбитая блѣдно-синнимъ бархатомъ; исподни съ разрезами были завязаны множествомъ бантиковъ; сапоги съ большими раструбами, обшитые широкими кружевными оборками; въ рукахъ торчала шляпа съ краснымъ перомъ; на перевязи съ золотыми пряжками висѣла шпага, мѣсяцъ тому назадъ полученная изъ рукъ короля, по ходатайству королевы.

Когда Фукиерръ рѣшался говорить, что случилось съ нимъ весьма рѣдко, правая рука всегда была направлена къ шпагѣ, какъ-будто указывая на право дворянина....

— Отвѣчалъ бы я и вамъ, мосьё де-Фукиерръ, сказалъ Калло: но меня пугаетъ ваша шпага, вчерашній подарокъ его величества; а еще болѣе увѣренность, что вы уже такъ же искусно привыкли владѣть этимъ благороднымъ оружіемъ, какъ и мастерскою кистью.

Фукиерръ покраснѣлъ; толпа живописцевъ смѣя-

лась: только старикъ Вуэ хранилъ свою диктаторскую важность.

— Мастеръ, сказалъ Калло, вставая и обращаясь къ Вуэ: пора кончить; скажите, что вамъ угодно, и отпустите меня.

— Я просилъ васъ для совѣта, маститый художникъ, отвѣчалъ Вуэ угрюмо. Лемерсиэ уже поднималъ стѣны галереи, сдѣлалъ всѣ нужныя перестройки, а мнѣ что-то не нравится.

— Такъ сломайте галерею и постройте новую!

— Не то, не то, Калло! Планъ украшенія галереи картинами и льпною работою.

— Перемѣните!

— Такъ! Но мы уже семь разъ перемѣняли планы.

Художники изъясляли нетерпѣніе. Вуэ примѣтно разсердился, но неумолимый Калло не обращалъ на нихъ никакого вниманія.

— Надо рѣшить, Калло; понимаете ли? надо рѣшить такъ или иначе, и приняться за работу...

— Я рѣшаюсь, отвѣчалъ Калло.

— На что?

— На все! Я граверъ и работать въ галереѣ не буду: такъ почему же не рѣшиться?....

— Вы оскорбляете мое званіе, мосье де-Калло. Слышите ли?.... мое званіе. Вамъ сдѣлали честь приглашеніемъ....

— Возвращаю честь и рываюсь уйти къ моему дѣлу... Сдѣлайте одолженіе, господинъ первый живописецъ и главный распорядитель всѣхъ работъ

во дворцахъ его величества, не отрывайте меня отъ дѣла приглашеніемъ на совѣты. Нѣтъ ничего хуже какъ совѣты. Вы глава, такъ и распоряжайтесь какъ глава: развѣ у васъ не достаетъ таланта? Иначе, къ чему совѣтъ? Король хочетъ мыслей Вуэ, произведеній Вуэ, а не протоколовъ, слѣпленыхъ изъ пустыхъ разсужденій.... На этихъ муниципальных сходкахъ, мосье де-Фукиерръ потребуетъ, чтобы главную залу расписать въ Арминдинъ Садъ, а изъ потолка составить небо со звѣздами и, пожалуй, съ луною; а я дамъ совѣтъ раскрасить главную залу подъ гравюру *in chiaro-oscuro*; а мосье Лемерсиé выбросить живопись, наставить колоннъ какъ стрѣлковъ на смотру, и стѣны уберетъ гирляндами изъ лѣпныхъ цвѣтовъ.... Охъ, ужъ мнѣ эти совѣты! Можно совѣтоваться, не собирая совѣтовъ.... Они то заставили перемѣнять планы семь разъ. Сами подумайте: можетъ ли такая нерышительность въ искусствѣ послужить къ лучшему?... Я граверь, мосье Вуэ, и слишкомъ уважаю васъ, чтобы обременять вашу память и соображеніе моими замѣчаніями. Посмотрѣть на рисунки очень любопытно, тѣмъ болѣе что я скоро уѣду въ Нанси. За эту честь я всегда остался бы признателенъ.

— Вотъ, вотъ они, прервалъ Вуэ. Смотрите, судите, и непременно скажите свое мнѣніе.

Калло усялся у большаго стола и началъ перелистывать семь огромныхъ тетрадей, въ богатѣйшемъ переплетѣ.

— Какъ бы то ни было, господа, мы должны

на будущей недѣль во вторникъ начать работы... Я предвидѣлъ, что у насъ окажется мало рукъ, и послалъ во всѣ города вызовъ художникамъ.... въ Гренобль, въ Ліонъ, вездѣ. Никто еще не являлся; начнемъ сами, между-тѣмъ подъѣдутъ....

— Тутъ есть италіянецъ Роспиноза, сказалъ кто-то.

— Италіянецъ! прервалъ Вуэ: и кончено! Работы не дамъ.

Во время патріотической выходки Вуэ противъ иностранцевъ, у входа показался человекъ средняго росту, довольно пожилой и непріятной наружности. Широкая, нѣкогда красная, но теперь уже рыжая, мѣщанская епанча закрывала тщательно заштопанное полукафтанье изъ зеленого толстаго сукна; фреза, не изъ лучшаго полотна, была измята и забѣлена; онъ былъ въ чулкахъ и башмакахъ; въ одной рукѣ держалъ шляпу съ серебрянымъ галуномъ и зеленымъ перомъ, въ другой огромную папку.... Входя въ двери онъ согнулся, и въ такомъ видѣ остановился, одною ногою въ комнату, другою на порогъ.

— Чтó вамъ угодно? спросилъ Вуэ, примѣтивъ незнакомца.

— Филиппъ Делапортъ, изъ Ліона, живописецъ, отвѣчалъ гость не разгибаясь.

— Милости просимъ! Вѣрно, по нашему вызову....

— По вызову величайшаго изъ нашихъ живописцевъ, я рѣшился оставить всѣ заказы и уроки....

— Надѣюсь, жалѣть не будете. Это вѣрно, ваши работы....

— Чтѣ успѣлъ захватить: такъ спѣшилъ исполнить волю великаго человѣка....

— Покажите, покажите!

И Делапортъ началъ развертывать разнородные рисунки и картины.

— Не дурно! сказалъ Вуэ: только посмотрите, эта рука коротка. Вотъ, гдѣ она должна кончиться; голова повернута слишкомъ эффектно.... къ чему это? Прямо, просто, гораздо лучше. Зачѣмъ такъ нарядна драпировка? Складки надо обдумывать точно также, какъ и всю картину.... Вотъ это изъ рукъ вонъ! продолжалъ Вуэ, взявъ другую картину: тоже вашей работы?....

— Нѣтъ, отвѣчалъ Делапортъ, покраснѣвъ: это работа моего ученика; какъ-нибудь замѣшалась....

— Плохо, плохо! говорилъ Вуэ, разсматривая по порядку картины Делапорта. Лучше всего еще сдѣланы орнаменты, — у вѣтки плоды.... Но картины ваши, простите, ни куда негодны.... И чтѣ странно, многія какъ-будто писаны другою рукою...

— Для разнообразія, отвѣчалъ Делапортъ, нѣсколько смущенный.

— Можетъ быть, можетъ быть, сомнительно говорилъ Вуэ: но въ Луврѣ вамъ нечего дѣлать.... Гдѣ и чѣмъ вы занимались въ Лионѣ?....

— Разно. Давалъ уроки, писалъ портреты, за-престольные образа....

— Хороши должны быть! замѣтилъ Фукіерръ, поправляя шпагу. (Всѣ улыбнулись). Что еще?....

— Но за труды былъ награждаемъ очень слабо; тогда какъ за расписываніе комнатъ цвѣтками и другими бездѣлицами ліонскіе купцы платили щедро....

— Такъ вотъ родъ вашей живописи! а вы, по добротѣ, хотѣли взять на себя грѣхи и другихъ ліонскихъ художниковъ! сказалъ Вуэ съ гордостью садясь въ кресла.

Смѣхъ возрасталъ. Делапортъ, скрѣпя сердце, отвѣчалъ :

— Вамъ, великимъ людямъ, легко шутить; а намъ, бѣднякамъ, да еще женатымъ, да еще съ дѣтьми, право, не до искусства; думаешь не объ усовершенствованіи таланта, а о хлѣбѣ насущномъ. Я пришелъ, господа, по вызову перваго, именемъ и дѣломъ перваго, живописца. Я зналъ, что картины онъ будетъ писать самъ, а цвѣтовъ не станетъ, и я могу быть употребленъ на что-нибудь не безъ пользы....

— И весьма, и весьма, любезный другъ, отвѣчалъ Вуэ. Вотъ, король приказалъ Лемерсіе, въ тѣ комнаты дворца Фонтенблò, гдѣ прежде жила мадмоазель Лафайетъ, продѣлать особую лѣстницу, а мнѣ назначить живописца для раскраски.... Хочешь, поѣзжай; а тамъ, Богъ-дастъ, и въ Лувръ найдемъ для тебя работу.

— Только быть при васъ, отвѣчалъ Делапортъ, низко кланяясь: только видѣть, какъ вы работаете.... для этого можно согласиться на всякія жертвы.

— Ну, такъ погоди; я тебѣ дамъ рисунки и

повзжай съ Богомъ. — Чтò вамъ угодно? спросилъ Вуэ у молодого человѣка прекрасной наружности, который въ это мгновеніе вошелъ въ залу, также со свиткомъ.

— Живописецъ Альфредъ Дени, изъ Руана, отвѣчалъ молодой человѣкъ.

— Покажите вашу работу, сказалъ Вуэ, развернулъ картину Альфреда и нѣсколько мгновеній продолжалось глубокое молчаніе; всѣ восхищались небольшою картинкой, написанной масляными красками; на ней было только двѣ фигуры, Адонисъ и Венера, но такъ много вкусу, такъ много зрѣлости въ рисункъ и колерахъ, что живописцы, любуясь, сомнительно поглядывали на юношу.

— Точно это ваша работа? спросилъ Вуэ.

— Кто же станетъ хвастать чужимъ трудомъ, когда знаетъ, что новою работою долженъ оправдать себя?

— Ну, случается! сказалъ Фукиерръ, и всѣ посмотрѣли съ улыбкой на Делапорта, который, какъ будто ничего не слыша, свертывалъ свои и не свои картины.

— Если такъ, отвѣчалъ Альфредъ, мнѣ остается сказать, — работа моя. Можете вѣрить или не вѣрить.

Каллò всталъ подошелъ къ картинѣ и громко сказалъ: «Прекрасно!» Художники съ неудовольствіемъ посмотрѣли на Каллò.

— Хорошо, хорошо! подхватилъ Вуэ: по ложное стремленіе къ натурѣ, сочиненіе слишкомъ просто; вамъ надо много учиться....